

Пароходцы

Я смотрел, как по небу пронзительной голубизны ко мне приближается маленькая светящаяся точка. Эта точка казалась здесь единственным свидетельством существования человеческой цивилизации где-то на материке. В лучах солнца она сначала поворачивалась одним боком и начинала мерцать яркой бронзой, затем же, развернувшись другим, становилась подобна тёмной птице, парящей перед бурей над океаном и несущей бурю у себя где-то запазухой. Рядом со мной стояла моя относительно недавняя знакомая Эйприл Лэйкстим, как-то странно поблёскивая окулярами своих толстых бронзовых очков, сомкнутых тяжёлыми полукружиями вокруг искристых стёкол перед её, казавшимися просто огромными, глазами.

- Итак, на чём мы остановились? - я внимательно посмотрел на Эйприл, а затем, развернувшись к морю, поднял плоский белесый камешек и запустил его скакать по воде чуть ли не до самого горизонта.

- Мы остановились на том, как ты попал на Острова Дождя...

- Ах, да, было дело, но, пожалуй, я слегка сбился, поэтому начну своё повествование с самого начала, - я присел, устроившись поудобнее на большом покато валуне.

Волны лизали берег моря, дул лёгкий бриз, где-то на гранце, где полоса ярко-светящейся зеркальной воды переходила в акварельное, точно размазанное чей-то детской небрежной рукой, небо, плыл фантик маленького кораблика, кричали чайки, нестерпимо пекло солнце, я был всё тем же, хоть и казалось, что прошли уже годы. А на деле - всего-навсего месяцы после того, как я, не без гордости отмечу, весьма неплохо разобрался с культистами князя Бориса в Сверлограде, столице Рифейского княжества, Его Царское Высокпревосходительство соорудило мне экспедицию, отправив с особым указанием учиться уму-разуму да постигать новое физическое знание о паровых механизмах на Острова Дождя...

- Добирался я сперва спецрейсом аж до самой Северной Галлилии, - продолжил я повествование лично для Эйприл, перейдя на бритландское наречие, - а оттуда, как водится, на рейсовом цеппелине через пролив Ля-Мон. Я помню, как точно так же, сидя на берегу пролива, разделяющего ваши страны - Бритланд на Островах Дождя на севере от Галлилии на юге, я, затаив дыхание, ждал, когда появится этот удивительный воздушный транспорт, ибо никогда ещё в жизни мне не доводилось летать ни на чём подобном.

И вот, цеппелин появился образом, столь привычным для ваших глаз: сначала возникла чёрно-блестящая точка агрегата, затем обратившись в вытянутую сигару его наполненного воздухом матерчатого баллона. Он приближался невероятно быстро, посекундно увеличиваясь в размерах, но для меня каждая секунда растягивалась во времени, пожалуй, в сотни раз, и когда он весь, блестящий, новенький, с тяжёлой кабинкой, прицепленной снизу, приземлился почти у моих ног, я был вне себя от восторга и, спустившись поближе к нему, крайне внимательно изучал каждую деталь удивительного летучего устройства.

Снизу этого цеппелина, как уже было сказано, располагалось что-то наподобие лодки-кабинки, только “лодка” была из латунных, бронзовых и чугуновых частей, а где-то на корме её что-то побрякивало, гудело и выпускало периодически облака пара, добавлявшиеся к облакам, взлетающим во всё ту же поразительно насыщенную лазурь выси над головой, куда мне и самому вот-вот предстояло воспарить вверх вместе с наполненным горячим воздухом баллоном летательного аппарата.

Наконец, вдоволь наворосторгавшись, я решил взойти на борт. На борту меня проводили в достаточно уютную каюту-купе, оформленную резными по дереву и коваными с позолотой произведениями искусства, гармонично вписывавшимися в интерьер, и тогда я, забывшись, заснул от усталости и преисполненности чувств беспробудным сном и проспал весь перелёт, очнувшись уже в столице Бритланды - Темзвилле.

Столица оказалась городом с довольно странной архитектурой: всюду возвышались большие красные кирпичные здания, которые ни на йоту не напоминали мне прекрасные, точно новоиспечённые тортики, ансамбли новгородских шпилей.

Первым делом, мне нужно было влиться в “большой свет”. Конечно, ни для кого не было секретом, что иностранные послы должны содержаться все вместе - подальше от власти имущих и от их секретов, в то же время, никто не желал допускать дипломатов до дел некоей государственной важности. А бритландцы науку использования пара во благо производства, рассматривали никак иначе, как дело особой государственной важности и высокой степени секретности. Эту-то преграду мне и предстояло преодолеть.

Выйдя на улицу и переодевшись так, как подобает человеку из большого света в Бритланде, я шёл слегка помахивая газетой, отгоняя от себя волны аномальной, просто небывалой для здешних мест жары. Пройдясь по городу и обойдя его весь за весьма и весьма короткий срок чуть ли не несколько раз, я периодически то там, то сям натыкался на яркие, цветастые, хоть и исполненные в строгом стиле объявления о

разных званых обедах, приёмах, балах и прочих увеселениях общества, приближенного к монарху, которые бы не позволили этому чопорному обществу совсем уж скиснуть и заплесневеть от скуки в здешних краях.

Была лишь одна проблема - я никак не мог найти такой званый обед, ужин или бал, чтобы на него не требовалось официальное приглашение для иностранцев или для прочих людей незнатных сословий. И - о, чудо: на одной из арок висело объявление именно о такого рода мероприятии. Вероятно, королева Островов Дождя, решила показать обществу свою современность и, хоть в мелочах, но пойти супротив вековых законов, чуть приоткрыв завесу собственной тайны для вассалов не столь близких ей земель, равно как и для послов разных стран, с которыми волей-неволей приходилось как-то считаться.

Для царящих в Бритланде гипертрофированно консервативных порядков это решение королевы нельзя было оценивать никак иначе, кроме как революционно-передовое, ставшее пригласительным жестом доброй воли и дипломатического благорасположения. Не медля, я стал собираться на этот праздник и готовиться к нему, закупив все необходимые атрибуты строгой одежды, которые могли бы мне пригодиться для пышного празднества.

Вскоре, услышав цокот копыт, раздававшийся гулким эхом по мостовой, я увидел, как ко мне приближается заказанная на ничем не стеснённые средства дипломатической командировочной, роскошная расписная карета с столь же блестящими гнедыми жеребцами, покрытыми жирно-перламутровой, почти что зеркальной, шерстью, выстукивая в промежутки мостовой, между плотно уложенными камнями, звук цокота своих копыт. До бала оставалось всего ничего - ну часа два с половиной или около того, и поэтому я решил немного прокатиться по городу и посмотреть, что же, собственно, происходит вокруг.

А происходило следующее: повсюду шли высокие и стройные, но какие-то слишком уж однообразные личности в серых шинелях и опутывающих голову, подобно индусским чалмам, узкополых вытянутых цилиндрах котелков. При внимательном рассмотрении их лица казались брезгливо перекошенными, точно их собственные мысли, к которым все эти джентльмены ежесекундно обращали свой взор, доставляли им истинное неудовольствие, или же в их жизни было нечто такое, что они всенепременно должны были выполнить, однако очень не хотели этого делать. Или даже вид их города - Темзвилля - настолько им опротивел своей высотно-кирпично-заводистой каждодневностью, что они только и мечтали, как бы это поскорее выбраться на идеально

ухженные пронзительно пасторально-зелёные лужайки сельской местности. А может, и всё вышеупомянутое, вместе взятое.

Некоторые, из сих господ и их леди ездили на небольшого размера странных машинках, представлявших собой компактные диванчики или кресла, с двух сторон которых поднимались метровые тяжёлые латунные колёса, а сзади попрыгивал, нагреваясь до температуры кипения воды, гулкий котелок. Управлять же такой машинкой нужно было неким подобием капитанского штурвала.

По вечерам, а уже как раз и наступал вечер, в окнах загорался тусклый, но всё же всенепременно электрический желтовато-оранжевый свет. Над головой, с ветром и свистом то и дело проносились шаткие, будто готовые грохнуть оземь каждый момент, маленькие личные дирижабли зажиточных темзвилльцев, а по широкой реке ходили столь же широкие и, по-видимому, невероятно тяжёлые корабли, мерцавшие блёклыми огнями своих маячков и отливавшие маленькими выпуклыми мутно-стекляныстыми кругляшками иллюминаторов.

Некоторые из джентльменов, похоже, не очень-то желали передвигаться по столичным улицам пешком или на диванных машинках, тогда они взмывали в воздух на треугольных механических крыльях, несомые всё той же вездесущей тягой горячего пара и мыслью гениальных инженеров-конструкторов здешних мест.

Вот человек достаёт из кармана какой-то агрегат. Я остановился и решил с ним побеседовать. Он испуганно посмотрел на меня, но признав во мне заинтересованное, а возможно, даже и учёное лицо, несмело улыбнулся и предоставил мне возможность рассмотреть этот чудесный прибор. Прибор занимал всю его ладонь, был округл, а с выпуклой стороны под толстым-претолстым стеклом вращались какие-то стрелки. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в приборе скрыт одновременно барометр, термометр, часы, компас, гигрометр, да и ещё весьма немало всего, в нём что-то гулко стрекотало, позвякивало, отзывчиво ударяло на полукружие медного корпуса, уверенно лежавшего в руке господина, постукивало, бряцало, двигались шестерёнки, разворачивались пружины, пощёлкивали и стрекотали стрелки.

Господин снял котелок и заскрипел точно так же, как скрипелли его необыкновенные часы. Он был очень высок ростом, и когда передвигался, то складывалось впечатление, даже скорее уж ощущение, что ноги его - сущие ходули - раскачивались в разные стороны, никак не находя себе однозначного положения тела. Человек чуть поклонился,

стеклянисто взглянул на меня, поправил пенсне, и представился по-бритландски: “Сэр Роберт Кастлуэлльский к Вашим услугам”. Всё его тело при поклоне необычным образом пожужжало. Я удивился, конечно, этому скрипу, но не придал этому какого-то особого значения, да и в то время мой ум был пытливо увлечён вопросами совершенно другого рода.

- Чем я могу быть Вам полезен? - задал мне вопрос сэр Роберт.

Я ему показал маленький буклетик, снятый мною рядом с объявлением о свободном входе на бал, сопроводив действие следующим словами:

- Не изволите ли Вы, сэр, посетить сие мероприятие? Мы смогли бы с Вами за чашечкой вечернего чая и приятным лёгким угощением поподробнее обсудить перспективы развития машиностроения в Вашей стране.

Тогда я представил джентльмену собственное имя и объяснил, что вижу в нём человека инженерного склада ума или, хотя бы, интересующегося, и что здесь я, пожалуй, мог бы оказать какое-нибудь содействие в его изысканиях и в его начинаниях, так что вполне возможно, что мы могли бы быть друг другу весьма и всецело полезны. Сначала по бледному лицу сэра Роберта, передёрнутого от перекошенного намёка на улыбку проскользнула волистая тень недоверия, но уже буквально спустя несколько мгновений, он, смачно крякнув какими-то внутренними вибрациями, согласился посетить вместе со мной бал для дипломатии и младшего вассалитета.

Я пригласил сэра Роберта к себе в карету, и спустя буквально четверть часа, мы уже подъезжали ко дворцу, возле которого жужжащими шестернями вращались красивейшие из фонтанов, которые мне когда бы то ни было доводилось видеть в своей жизни. Вокруг нас слетались какие-то странные шары. Они имели необычное свойство взлетать откуда-то почти из-под самых облаков и резко останавливаться возле мостовой, выпуская из-под каких-то глубин себя густые облачные горячие струи тумана. Вокруг из-за движения шаров и работы их механизмов было влажно, душно и жарко.

В шарах поблёскивали маленькие окошечки, за которыми практически ничего не было видно, вся же остальная их медно-бронзово-оловянная со стальными заклёпками обивка - а из этих металлов здесь, казалось, была сделана вся возможная техника - состояла из тонких квадратных платин размером сантиметров двадцать пять на двадцать пять, соединённых друг с другом чуть сплюснутыми, но такими же полукругло-выпуклыми заклёпками. Летательные

аппараты, спустившись до каменистой мостовой и, зависая на пару секунд на паровых струях, откидывали с правой и с левой стороны от себя вытянутые трапы, образованные из спускающихся вниз стенок, и эти трапы неожиданным для самих себя образом оказывались теми широкими и продолговатыми ножками, на которых летательные агрегаты могли надёжно стоять после остановки механизмов, поддерживавших их в воздухе.

Чего здесь только не было! Некоторые знатные господа проносились на каких-то огромных трескучих трёхколёсных велосипедах, другие спускались на тех же столь широко распространённых под местными облаками летательных треугольниках-крыльях, третьи выходили из летающих сфер, четвёртые дамы и господа подгоняли прямо ко входу во дворец маленькие маневренные дирижабли, пятые, отскакивая, подскакивая, дребезжа и трясясь гулкими зычными и звучными механизмами подкатывали на компактных размеров агрегатах, прозванных в здешних краях автомобилями. У этих автомобильчиков были продолговатые багажники и столь же вытянутые вперёд, точно клювы хищных птиц, несоразмерно большие и высокие капоты, которые, казалось, закрывали возницам этих автомобильчиков весь обзор.

Внезапно свет померк, будто огромная туча закрыла солнце. Но всего лишь это был расписной разноцветными узорами, цветастыми фруктами, ягодами, лозами винограда и видами каких-то далёких небывалых гор, отдалённо напомнивших мне родные Рифеи, цеппелин Её Величества Бритландской Королевы Эннэлайзы Мэри Льюси Хелен VII. Цеппелин приземлился на специальной полукруглой площадке, от которой вниз спускались движущиеся, чуть покрывшиеся тёмным оксидом, эскалаторы, позволявшие королеве, не сделав ни шагу, грациознейшим образом передвигаться по атласно-алой дорожке, являвшейся продолжением эскалатора, в сторону своего величественного многоэтажно-помпезно-возвышенного дворца.

Вокруг нас произрастали причудливых форм стриженные деревья и кустарники, изображавшие какие-то диковинные механизмы, исполинские шестерни, часы, измерительные приборы, стрелки, поплавки, часовые пружины, гироскопы, мелкоскопы, дальскопы, политоны и совсем уж неведомые мне дотоле, да и сейчас не вполне понятные нагромождения изваяний, сотканных из листьев и всевозможных благоухающих цветов, складывающихся в целые картины, изображающие жизнь и облики прошлых государей, растянувшихся на многие десятки метров на колышущихся полях

элитных клумб и редких тропических цветочных видов.

Королева, доехав по эскалатору парадной дорожки под распухающие на небе огненные бутоны фейерверков и устрицы рук людских оваций, сделала широкий пригласительный жест в торжественный зал, и в следующий же миг личные камердинеры Её Величества поставили перед ней маленькую гусеничную платформу, на которую он взошла, сделав всего лишь один маленький шаг своими, почти незаметными с такого расстояния, тонкими ногами. Её пышные одеяния оказались столь велики и безразмерны, что гусеничная платформа тотчас же скрылась под опухами её многослойных платий, а спустя ещё пару мгновений, и сама королева скрылась где-то в праздничном мерцании бального зала.

Мы все, встав на дорожку, последовали за королевой, и, спустя всего лишь одну или две едва заметных минуты, оказались в тусклом поблёскивающем мерцании угольно-электрических ламп, помаргивающих торшеров и пылающих викторианского вида нарядов. Повсюду заискрилось пышное великолепие. На сцену вышли музыканты. Они урчали, пыхтели, и, наконец, собравшись все воедино, грянули оркестром быстрой и торжественной гимновой музыки, их смычки шарообразно вращались вокруг столь же кружащихся с невыразимой скоростью струн, издавая пиляще-скрежещущий звук. Трубы музыкантов, гудящие откуда-то из котлов, казалось, общались к самым глубинам души, а свистящие отзвуки клавишных били по барабанным перепонкам звонкими тарелками волнистых звуков и отзвуков, взрывающихся новыми апофеозами этого невероятно маскарадного и столь же невозможно торжественного действия.

Сэр Роберт, чуть коснувшись моего рукава, повёл меня к самому дальнему из столиков, казавшихся островком спокойствия среди всей этой вычурной суеты. За столиком вели беседу джентльмены, выглядевшие так же необычно, как и сам сэр Роберт. В их облике было что-то неповторимо сходное, делавшее их одинаковыми, почти тождественными друг другу, будто бы все они были братьями, если и не близнецами, то уж погодками - точно.

Все эти господа были чрезвычайно вытянутой комплекции, у всех были очки или пенсне, какие-то причудливые часы, длинные желтовато-блестящие тяжёлые цепочки, их широкие брюки древесного вида были подпоясаны тоже широкими, подходящими для этих брюк, ремнями древесного-кожистого вида с узорчатыми вставками застёжек, а чёрные лаковые сапоги заканчивались острыми носками с металлическими клювиками начищенных до блеска стальных пластин.

На голове все эти чудаковатые люди носили не просто шляпы, а, казалось, целые шлемы со множеством крутящихся и вертящихся пружинчатых механизмов, белые же рубашки с надутыми складчатыми рукавами и огромные галстуки-бабочки и шарфы, точно расцветающие на их шеях бутоны тропических орхидей, довершали то неповторимое сходство их облика, которым они, в то же время чем-то неуловимо отличаясь в мелочах, очень сильно походили друг на друга и чуточку - на всех прочих людей, присутствовавших на тот момент в этом зале блестящих танцев и безостановочных вертящихся и кружащихся в музыке плясок благородного зала для королевских приёмов и балов.

Перекрикивая свистящий шум оркестра, сэр Роберт попросил меня посмотреть на тему обсуждения. Я обратил внимание, что на столике, перед которым стояли заинтересовавшие меня своим необычным обликом господа, были отнюдь не яства. Там лежали какие-то странные пергаментные чертежи и полуразобранные приборы не вполне ясного для меня предназначения.

Я подошёл к столику. Один из этих чудаковатых людей посмотрел на меня очень внимательно и произнёс: “Вижу в Вас большую заинтересованность...Быть может, Вы сможете решить нам дилемму конструкций?” Действительно, в чертежах была, похоже, допущена какая-то ошибка, какая-то странная нестыковка. Я всматривался и никак не мог понять, что же там действительно изображено. По всем показателям, этот механизм, изображённый на тонком пергаменте с чуть загнутыми краями, работать никак не мог, но всё же я высказал свою мысль о том, что если добавить пару клапанов и заменить несколько резиновых вкладок на имеющие б`ольшую толщину и, соответственно, больший запас прочности, то его существование вполне даже видится возможным.

Один из джентльменов в котелках подпрыгнул, словно кузнечик, лишившийся вдруг опоры во время шторма на корабле и воскликнул: “Ну конечно, конечно! Эврика! Мы построим, построим наш знаменитый *perpetuum mobile*! Вечный двигатель! А почему нет? Почему нет?...” Тут он понурился, вжав голову в плечи, как-то странно и заговорщицки переглянувшись со своими коллегами по столику, осторожно повторив, но уже вполголоса, точно бы опасаясь, что за ним следят: “Хм, действительно, а почему бы и нет...”

Все сразу же попытались замять тему этого разговора. Я подумал, что все эти люди, конечно же, имеют право на какие-то свои собственные секреты. А время всё шло, мы переливали из пустого в порожнее, смотрели на чертежи, подправляли, стирали, подписывали, а

вокруг нас под грохот бальных танцев кружились пёстрые наряды и воздушные платья, словно натянутые на поверхность огромного пузыря.

Мы, точно погруженные в батискафе где-то глубоко-глубоко, почти на самом дне океана, наблюдали чудесные сцены из параллельной жизни, не имеющей к нам практически никакого отношения. Да и действительно, зачем они нам теперь? Пусть веселятся! Даже королева, которой всегда должно было соблюдать этикет, совершенно неожиданно развеселилась и делала подтанцовывающие движения, впрочем, не сходя со своей танковой платформы.

Неожиданно, мы все почувствовали, что за нами в заправду кто-то наблюдает. Мы оглядывались, переглядывались, но этот взгляд никак не давал нам покоя. Прошло совсем немного времени, и из толпы кружащихся нарядов выделилась высокая и стройная фигура. Это была женщина неопределённых лет и, в общем-то, весьма незапоминающейся средне-серовой внешности. Единственное, что бросалось в глаза, так это её крайне высокий рост, бледность черт лица и худоба. Во всём её естестве и во всех движениях было что-то насекомое, что-то противоестественное и механическое одновременно. Она подошла, чуть-чуть преклонилась перед нами, словно делая реверанс, и вдруг подозвала почему-то меня для разговора.

- Я знаю, зачем Вы здесь, господин, - сказала она, хитро улыбаясь. - Вы думаете, другие не в курсе? Вы думали затеряться в толпе? Ну что ж, возможно, вы нам тогда поможете, хоть это и грозит нам ничем... - она махнула рукой. - А ничем хорошим нам это не грозит! Теперь позвольте представиться, я - Эйприл Лэйкстим..."

Я прервал повествование, остановившись на данном моменте. Именно с ней я и находился в данный момент на берегу океана после всех этих, повергших меня в полнейшее смятение, событий. Эйприл смотрела куда-то вдаль, на самую линию горизонта, заворуженно слушая мой рассказ.

- Ну а дальше, Эйприл, Вы помните... - я обратился к ней.

- Да, дальше я всё отлично помню и знаю, что происходило, - она взяла веточку, поводила ей по воде, и на воде начали вырисовываться почти что резные бликующие узоры.

Корабли сновали туда-сюда, пронзительное небо наполнилось и было испещрено и исчерчено линиями летательных аппаратов, повсюду был гул, гам и дребезжание. Начиная прилив.

- Ну...так что ж, мне продолжать?

- Продолжайте, - сказала Лэйкстим. - Мне интересно, как это всё выглядело с Вашей стороны.

Я снова тогда погрузился в воспоминания: “Представившись, Эйприл указала на дверь, которая, на поверку, как оказалось, вела куда-то в тёмный ход. Последовав за ней, я оказался в окружении других молодых людей в чуточку менее помпезных и более простых одеяниях, людей, привыкших к научным изысканиям и порой даже не привыкшим следить за своей внешностью. Все они были, прямо скажем, далеко не красавцы, к тому же взъерошенные волосы, щетина на лице, красные от усталости глаза тоже не придавали им ни единой доли красоты.

Мы вышли куда-то в сад, и Эйприл, заговорщицки понизив голос, сказала:

- Вы знаете, я нашла-таки центр всего, что нас окружает.

- Чего именно? - один молодой человек поднял на неё вопросительно вздёрнутое лицо. Его курносая веснушчатость, залихватски завёрнутые локоны, как у избалованной ручной собачки редких пород, и кривые зубы делали его похожим совсем на мальчишку, хотя он был не столь уж молод, как казалось - вполне возможно, что ему было уже за сорок.

- Да! - с вызовом сказала Эйприл. - Нашла. Он здесь, в лабиринтах этих садов, - она указала на сад, разверзшийся за стеной дворца, казалось, на многие сотни метров. - Пойдёмте, я покажу вам эпицентр творящегося вокруг повсеместного безумия под названием нашей Родины - Бритланда.

Через некоторое время, неспешно прогуливаясь вдоль аллей возле гладко выстриженных кустов под тёплым, слегка пригревающим, но вовсе не палящим солнцем, мы совсем забыли о цели прогулки: дышали воздухом, любовались окружающими нас пейзажами, хоть они и были столь дико однообразны в своей зелёной холмистости и небесной акварельности. Всё было выхолощено-прилизанным, ничего сумбурно-естественного, заведённого порядком природы, ни одного лишнего камня, ни единого подходящего куста - ничего. За всем следила целая свора садовников, лакеев, слуг, дворников и ещё невесть какого обслуживающего персонала дворца.

Неожиданно, нашему взору предстала небольшая продолговатая площадь, имевшая овальную форму. К площади выходили высокие мраморные арки, увитые плющом и гигантскими тропическими вьюнами. Запах цветов, их мдевяный аромат пьянил, дурманил и загонял в сон. Вокруг роилось жужжание пчёл и шорох каких-то других насекомых, кричали птицы, грохотали механизмы в небе. Где-то недалеко, в стороне центральной части Темзвилля дымили трубы

заводских сооружений, довольно-таки странной и необычной конструкции, похожих на нагромождение каких-то спаянных переходников, цилиндров, шаров, отверстий, входов-выходов, дверей, точно это не заводы были вовсе, а увеличенные в несколько сотен раз сооружения из лаборатории какого-то безумного алхимика.

Площадь, на которую мы вышли, была устлана серовато-зеленоватой брусчаткой. Ходить по ней было довольно-таки неудобно и колко, каждый шаг отзывался глухим ударом, точно к сапогам каждого из нас были приделаны небольшие подковки для танцоров степа. За спиной осталась суeta всего этого маскарада и стрёкот музыки до сих пор мучал наши уши, но уже не так отчаянно, как несколько минут назад, а лишь едва заметно достигая каких-то дальних пределов осознанности и понимания окружающей жизни.

Вдоль аллеи стояло странное сооружение. Высотой оно было метра три и состояло всё из того же, чуть подржавевшего, жёлтого сплава, как и всё остальное. Оно походило на гироскоп, но, по сути своей, таковым не являлось. Походило и на часы, но было совершенно неясно, каким образом можно было следить за временем при помощи этих “часов”. И, если уж быть честным, то, при всей своей сложности и обилии разных мелких деталей и гаечек, оно не походило ни на один из известных мне механизмов, доступных современному человечеству.

Я подошёл поближе. В центре сооружения виднелся огромный прозрачный камень такой же овальной формы, как и площадь, по-сути, повторявший её в чертах сочетания продолговатостей окружающей формы механизмов. Наверное, этот камень не был выплавлен, как стекло, а, скорее уж выточен из цельного кристалла кварца и отшлифован до яркого блеска на солнце.

Всмотритесь, - Эйприл указала на механизм. - Видите, он в точности повторяет план дворца, - и, действительно, всё это хитросплетение механизмов точно являлось картой той огромной площади из лабиринтов деревьев, цветников, скамеечек и скверов, в котором мы в данный момент находились. Кроме этого сооружения, на центральной площади лабиринта из кустарников не было ничего.

Механизм постоянно шевелился. Он раскачивался, перекачивался, позвякивали какие-то гиры, смещались большие, тонкие, средние цепочки, звенели тросы, цокали шестерёнки, поблескивали вставленные камни всевозможных цветов и размеров, только в самом центре прозрачный камень оставался совершенно непоколебимым, как непоколебимой казалась воля той женщины, что привела нас сюда.

- Вот оно! Эти часы - на самом деле - сердце!

- В смысле - сердце? - изумлённо спросил я.

- В прямом смысле. Ты не из наших, попробуй, передвинь любую шестерёнку.

Я ухватился за первый попавшийся зубчик и чуть раскрутил его. Ход “часов” ускорился. Мы все условно и не сговариваясь одновременно окрестили этот механизм часами, поскольку ни с чем иным сравнить его не могли, но всё же нужно было его как-то называть. А разве нет?

Люди вокруг меня стали говорить странными высокими голосами, быстро ходить, быстро размахивать руками, а из центров их доносился удивительный звук. Тогда я раскрутил другую шестерёнку. Казалось, что пару мгновений, не происходило ничего особенного, но потом я заметил, как движения их стали по нарастающей всё более и более противоестественными. Я тронул третью шестерёнку. Люди вокруг меня задёргались в конвульсиях.

Эйприл закричала: “Стой!” Но прежде, чем я вернул всё на свои места, один из джентльменов, находившихся рядом со мной, как-то странно конвульсивно изогнулся дугой и неожиданно переломился пополам. Из внутренних полостей его торчали пружины. Там что-то тикало, шевелилось, разворачивалось, тянулись какие-то шлейфы, тросики. Не сказать, что это было приятное зрелище, но, всё же зная, как устроен человек хотя бы примерно, я удивлённо и с непониманием уставился в его сторону, что, должно быть, выглядело несколько невежливо. Господин дёрнулся ещё несколько раз и после этого затих. Механизмы внутри него перестали отмерять ход и остановились.

Эйприл взмахнула руками:

- Зачем? Ну зачем ты его убил? Теперь нам срочно нужно куда-то спрятать труп! Я думаю, что в наших телах, по сути, скрыта тайна могущества нашей Бритландской Империи, котрого всё же столь нам не достаёт.

- Урааа! - громко и не к месту закричал один из джентльменов. - Я понял, я понял, в чём заключалось несовершенство тех чертежей, - он тотчас же достал прихваченный со столика первой группки молодых людей пергамент и начал в нём что-то со скрипом карандаша дочерчивать. Одного взгляда на этот пергамент было вполне достаточно, чтобы понять, что это вовсе не те заметки, которые я рассматривал ещё совсем недавно у столика.

Следующей моей мыслью было понимание, что, несмотря на сходство тех господ, с которыми я беседовал в зале, и тех, с которыми я нахоодился здесь, это всё же были разные люди, но их лица...их лица

практически не отличались друг от друга, их лица были всё теми же - несколько типажей: вытянуутый брюнет, полный блондин, какой-то странный кареглазый шатен, сгорбленный зеленоглазый человек неопределённого возраста и даже, казалось, столь же неопределённого пола, и тот, кто столь бесславно почил - вытянутый до невозможного роста смуглый и, казалось, даже не принадлежавший этой нации, атлет.

Я решился подойти поближе к его бездыханному телу. Из-под переломленного в области поясицы торса, торчали какие-то медные пластины. Стоило дёрнуть одну такую - и пластинка поддалась. Атлет принялся рассыпаться. Пластины оказались достаточно легко вставленными друг в друга, и уже спустя несколько минут весь прекрасный механизм его устройства предстал моему взору.

Прыгавший на месте полный блондин достал несколько шестерёнок из механизма атлета, находившихся где-то в районе расположения сердца у органических людей, и подоткнул в какие-то пазы на часах. Часы изменили ритм хода. Люди вокруг задумались, как будто им вдруг пришло какое-то небывалое прозрение на ум. В следующий момент блондин признёс: “Ну надо же, мы теперь понимаем друг друга без слов. Мы-таки способны общаться телепатически. Надо это использовать.” Он достал из запазухи подзорную трубу, внимательно посмотрел сквозь кусты и сказал: “Быстрее, быстрее, к нам уже направились стражники, они заметили, что нас нет на маскараде”.

- И то верно! - согласилась с ним Лэйкстим.

Оставшиеся джентльмены быстро разообрали тело своего погибшего товарища, а блондин коротким жестом показывавший столь же короткими сучковатыми пальцами на разные части часов, говорил им, какую деталь и в какую сторону следует подтолкнуть, и к чему это способно привести. Я стоял в недоумении. Когда к нам всё-таки подошла охрана дворца, от разобранного в клочья господина, не осталось ни одного следа, кроме одной-единственной пластины, которую я тогда очень вовремя, к слову сказать, припрятал в качестве сувенира в свой задний карман полосатых брюк, сложив для придания чинного вида руки у себя за спиной.

- Джентльмены и леди, - обратилась к нам охрана дворца. - не изволите ли вы вернуться в торжественную атмосферу Бальной Залы Её Величества? Незачем вам здесь прохлаждаться, воздух сейчас влажен и прохладен, поэтому, оставаясь здесь, вы рискуете подхватить лёгкую простуду, от которой мы просто обязаны предостеречь Вас, - стражники дворца стояли навтыжку, они внимательно изучали наш внешний вид и площадь, на которой мы находились, не моргнув даже и глазом, но в

их лицах чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, точно они всё знали, а вот доказать никак не могли.

Но не заметив никаких признаков криминала, стражники удалились восвояси. О значимости площади и расположенного там устройства, они, по-видимому, даже не догадывались. Эйприл Лэйкстим выдохнула всей грудью:

- Уффф, теперь они не вернуться.

- Да, теперь не вернуться, я тоже так думаю, - до меня медленно, но настойчиво и упорно, словно везомая на паровозе, доходила страшная истина всего Бритланда. - Вы...вы все здесь...механизмы? - я растерянно смотрел на них, даже не требуя, а просто прося хоть каких-нибудь объяснений, искренне желая развидеть зрелище пластин, рычажков и пружинок, торчащих из переломленного торса только что разобранным нами господина.

Эйприл посмотрела на меня, как на идиота:

- Конечно, мы механизмы. И ты тоже механизм, только другой. А это, - она указала на часы. - это наше сердце, оно строится из века в век по ступеньке, по тросику, по детальке, по гайке, по камешку. Сначала сердце было воот такусеньким, - она изобразила размер часов чуть меньше футбольного мяча. - А теперь, как ты видишь, даже кристалл в центре этих часов больше, чем все эти часы были когда-то. И чем больше эти часы, тем мы непобедимее. Только вот Вашей стране досюда не добраться. Мы воистину непобедимая нация, мы - бритландцы! - она гордо посмотрела на меня.

- Да мы иии...мы иии... - я даже стал немного заимкаться. - вроде, как бы и не собирались, я всего лишь уму-разуму приехал поучиться у вас, и не собирался глядеть на всякие ваши...хм...органы...внутренних дел и уж тем более - раскрывать их тайны.

В контексте только что произошедших событий слово “органы” прозвучало двояко и как-то уж слишком прямолинейно.

- Зато Вы и не будете пытаться, - коротко отрезала Лэйкстим.

Она хитро-хитро посмотрела на всех собравшихся и вдруг, чётко чеканя слова, заявила:

- Вы знаете, что мы сделали? Мы только что открыли для всех нас дополнительные формы шестерёнок! Хотите ли вы, чтобы новой королевой была я? А вам, уж поверьте, я найду каждому подходящие должности. Так вы этого хотите действительно? - она повторила свой вопрос ещё раз. Джентльмены смотрели на Эйприл испуганно.

- Зачем нам здесь этот иностранец? - коротко оборвал её шатен, недобро взглянув на меня.

- Как это зачем? - Эйприл ухмыльнулась. - А кто сможет нам всё обустроить? Кто сможет перестроить нас так, чтобы это было выгодно нам и помогло бы стереть из памяти прошлую королеву, уничтожив её физически? Вы только что наблюдали, как любая сдвижка шестерёнок меняет нас до неузнаваемости. Я разработала новый чертёж, но ни один из нас, никто не способен привести его в исполнение, потому как покуда мы будем делать все эти изменения, мы забудем всех нас вместе взятых. Важен только конечный результат, но до него сможет прийти лишь тот, на кого сила часов не оказывает равным счётом никакого влияния. Вот зачем он нам здесь. Вы ведь нам поможете? - ележно ухмыльнулась Лэйкстим, обращая масляно-хитрый взгляд в мою сторону.

- Так-так-так, ещё раз, какой смысл в ваших совместных действиях? - я непонимающе взглянул на неё.

- Если я просто подойду к часам, - Эйприл растягивала слова, - если я просто возьму вон ту шестерёнку, подойду к часам и переставлю её на новое место, то я уже буду не той, кем я являюсь сейчас, но и не той, кем я хотела бы быть, и каждый из нас станет кем-то ещё. Если мы передвинем две-три шестерёнки, мы даже не будем знать о собственном прошлом существовании, мы станем друг для друга просто сборищем неизвестных незнакомых личностей. Другое дело - Вы, сэр. Вы не потеряете память, Вам вообще эти часы не нужны, - она позволила себе слегка рассмеяться.

- Ну да, ну да...эммммм... - я слегка пожевал слова. - А что, если я сейчас пойду и сдам всех вас вашей королеве, что тогда будет?

- Что тогда будет, что тогда будет? - передразнила меня Эйприл Лэйкстим. - Да ничего не будет, Вас, сэр, не будет. Куда уж Вашей мягкой костистой плоти до рук местных умельцев из бронзы и стали, работающей на пару? Позвольте мне высказать сомнение в превосходстве Вашей силы в случае борьбы против нашей, - проходы под арками тут же перегородили несколько молодых людей.

- Так, значит вы не оставляете мне выбора, - сказал я. - Ну так что же... А, гулять так гулять, переворот так переворот, будь по вашему, - согласился я.

Главная заговорщица показала мне чертёж и объяснила, в какой последовательности и какие из деталей я должен переставить, чтобы достичь необходимого результата. Я принялся за работу. С людьми, которые меня окружали, происходило нечто странное. Я подумал, что они не учли одного простого фактора: да, они могут передвинуть несколько шестерёнок, забыв друг друга, но ведь и когда я это сделаю, я

могу просто...не завершить этот процесс, не довести его до конца, и что тогда будет? Да, что тогда будет? Мне страшно было это представить - сумасшедшая королева, королева, у которой отшибло память, невесть кем возомнившие себя лорды, целая страна умалишённых, не знающих, кто они и зачем они вообще существуют.

Пусть уж лучше будет восстановлен порядок новом виде. В конце концов, Бритланд - не моя страна, и будь, что будет. Я вернусь к себе на Родину, расстелю газету, прочитаю о случившемся дворцовом перевороте где-то на далёких западных Островах Дождя и забуду об этом, как о страшном сне или безумной сказке.

Тогда я принялся за работу с удвоенной силой, опасаясь, как бы окружающие меня люди чего-нибудь не учудили. А чудили они немало: они хрипели, скрипели, скрежетали, то начинали бегать кругами, то запрыгивали на кусты, падали, бились в агонии, вращали глазами сразу во все стороны, протягивали руки к небу в блаженной улыбке до ушей, безудержно хохотали, катались, точно колёса, в разные стороны, ходили, шатаясь, подпрыгивали, принимали разнообразные практически невозможные позы, а в глазах их читался отблеск Бесконечного.

Спустя порядка трёх с половиною часов я всё-таки завершил начатое, и когда последняя крупная шестерёнка завертелась, слегка позвякивая о кварцевый кристалл в центре, лорды, отряхнув ставшие грязными от пыли смокинги, улыбнулись, подали мне руки и сказали: "Ну вот и всё, вернёмся в зал!"

Эйприл была безудержно счастлива. Она прошла в залу, и те хранники, что нас чуть не арестовали, распахивали перед ней парадные двери. На троне, так и не сходя с платформы, сидела бывшая королева, точнее, всё то, что от неё осталось. Её выворотило наизнанку. Во все стороны торчали какие-то пружины и казалось, что потрескивали аккумуляторы, паровой котёл отвалился от спины и покатился куда-то в дальний угол. Вывалившиеся стекляшки глаз лежали возле ног, пальцы осыпались и походили на футляры от перьев для письма. В груди распахнулась дверца, а правая половина её тела валялась где-то снизу, расплзшаяся заклёпками вдоль швов соединения.

- Ну что ж, вот и свершилось, - довольно, даже самодовольно проговорила Лэйкстим. - Добро пожаловать, господа, в новую эру, в новую эпоху!

Остальные непонимающе посмотрели на неё.

- Какую новую эпоху, Ваше Величество, позвольте у Вас поинтересоваться? - преклонил колено один из придворных

дипломатов.

- Это не имеет значение, а значение имеет лишь то, что Вы верно служите мне, - учтиво улыбнулась своему новому слуге Лэйкстим. - Уберите этот мусор.

Подошедшие охранники недоумённо переглянулись, рассматривая расплывшееся туловище ещё недавно столь оберегаемой ими старой королевы Бритланда, имевшей длинное и многосложное имя. Они решили было поинтересоваться происхождением тела, но и столь же быстро поняли, что, в общем-то, это не их личное дело:

- Откуда он здесь вообще взялся? А, неважно...

Через пару минут от бывшей королевы не осталось даже одной пружины, а на её месте уже восседала новая королева с именем уже далеко не столь длинным. Гости словно бы ничего и не заметили. Бал продолжался: по-прежнему, как и раньше, скрипели скрипачи, грохотали барабаны, дудели дудки, свистели свистки и всё, в общем-то, было в колее своей.

- А теперь, сэр, - королева обратилась ко мне. - позвольте мне предложить остаться в нашей стране и даровать Вам титул лорда и наши северные земли - Иреллию или Скоттеллию на Ваш выбор - высочайшей милостью Её Королевского Величества.

Я задумчиво посмотрел на восседавшую на троне Эйприл.

- С превеличайшей радостью принял бы Ваш дар, но, Ваше Величество, меня ждут дома, а потому я вынужден отказаться, сколь бы, возможно, невежливо это ни выглядело бы в сложившейся ситуации, - я поколонился как можно более учтиво, настолько, насколько умел.

- Ну что ж, - задумчиво произнесла Эйприл. - В таком случае титул при дворе я Вам всё-таки дарую и...три тонны бронзы в нагрузку - Вас устроит, сэр?

Я вздохнул: "Да, спасибо, Ваше Величество, бронза вполне себе ценный металл в моём царстве. В Новгороде три тонны бронзы, думаю, задорого обменяют на наши копийные медяки и серебряники."

- Теперь Вы всегда желанный гость при моём дворе, - королева улыбнулась. - Я даже не буду просит Вас хранить наш маленький секрет, ведь Вам всё равно никто не поверит. Не поверят Вам ни на моей Родине, ибо никто не помнит свершившегося, ни на Вашей, ведь никто среди жителей Вашей страны никогда не видел ничего подобного и ни о чём подобном же не слышал, среди вас, людей из мяса и кости. А, как хотите, Ваша воля, Ваше право. Но, не откажите ли Королеве в чести перед Вашим отплытием свершить последнюю прогулку вдоль океанского побережья, прежде чем присланный за Вами пароход

доставит Вас на Большую Землю, на берег Галлилии, откуда Вам и предстоит добираться до Вашей далёкой северной страны.

Но если когда-то вдруг потребуется политическое убежище на Островах Дождя - что ж, всегда пожалуйста, я даже зарезервирую для Вас отдельный многоэтажный особняк в предместьях Темзвилля в благодарность за то, что Вы сделали не только лично мне, но и во благо всего теперь уже моего государства. Прошлая королева довела страну почти что до полного краха, я же сумею поднять Острова Дождя до мирового Величия и господства. Мы будем властвовать на земле и на море, в воздухе, а в дальнейшем у нас есть планы даже покорения Левостороннего Нагвалистана далеко на западе, за океанскими водами Атлантики. Впрочем, там уж как карта ляжет...”

На этом я прервал своё повествование. Эйприл, переодетая в простые и далеко не подобающие королеве одежды счастливо смотрела на море и оборачивалась, разглядывая до горизонта ставшие её личными владения.

- Даже не верится, правда, - она посмотрела не меня. - что теперь все эти земли, земли Островов Дождя принадлежат мне, кто бы мог подумать? - она действительно погрузилась в какие-то свои раздумья.

- Позвольте поинтересоваться, Ваше Величество, а кем Вы были при дворе, до того, как пришли к власти?

- О, Вы знаете, теперь это уже не столь важно. Скажу только, что происходила я родом из самых обычных мещан Темзвилля, а отец мой был инженером, привившим мне страсть к математической и физической наукам с самых ранних лет моего существования.

Я не стал уточнять, по какому принципу строятся и развиваются семьи в этой чудной стране, поскольку такой вопрос показался мне не вполне вежливым, и поэтому я, присев на плоский камень рядом с Королевой Бритланда, тоже погрузился в размышления.

Пролив Ля-Мон оказался в это время дня необычайно тихим. Море искрилось, а над ним, словно отражая и подражая ему, нависло такое же тихое и чуть волнистое, в барашковых облаках небо. Солнце начинало припекать, и возле глади горизонта то и дело появлялись точки каких-то кораблей. Одна из этих точек неожиданно начала приближаться, раздался гул пароходного свистка. Я внимательно посмотрел на Эйприл Лэйкстим и задал ей последний из запомнившихся вопросов:

- Так как же мне называть вашу нацию теперь, после всего того, что я узнал, кто вы, бритландцы?

Она посмотрела на приближающуюся технику, слегка хохотнула и

искрящейся, начищенной до блеска мельхиоровой улыбкой, произнесла:

- Да, как хотите, сэр. Можете называть нас “пароходцы”, мы ведь такие и есть на самом деле - люди, живущие на энергии пара.

Спустя несколько минут, я уже поднимался по ступенькам своего парохода, чтобы отбыть на материк и, покинув Острова Дождя, направиться из Галлилии на Родину, наконец-то завершив своё путешествие, оказавшееся преисполненным самых удивительных открытий.

Но самое парадоксальное во всей этой истории заключается в том, что я так и не узнал почти ничего из науки моделирования модернизированных паровых машин, плавлен и теории паровых механизмов вообще, ради постижения которой я и прибыл на Острова Дождя. Но зато узнал много нового, в особенности, чего узнать уж точно никак не ожидал!

*Белоусов Роман,
26 июня 2015 года.*